

A black and white composite image. The upper portion features a close-up, slightly blurred portrait of an elderly man with a serious expression, wearing a dark suit and tie. The lower portion shows a panoramic view of a city, likely Moscow, with numerous buildings and a prominent spire visible in the distance. The text is overlaid on the left side of the image.

Его знала вся Москва

(К столетию С.Д. Индурского)

Евгений Сидоров

Его знала вся Москва. К столетию С. Д. Индурского

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16044042
Его знала вся Москва.: Пробел-2000; Москва; 2012
ISBN 978-5-98604-287-9

Аннотация

...Вместе с Индурским ушла в небытие и эпоха старой «Вечерки». Перечитывая сегодня отрывки из его книжки «Газета выходит вечером», погружаемся в мир стремительно ушедших тем, забот, интересов рядовых москвичей, подписчиков и читателей, так и не ставших жителями города «коммунистического будущего». Политики в газете было мало, зато много информации, быта, спорта, культуры. Быстро устаревшие проблемы кажутся ныне наивными. Но это была жизнь нашего города, и поэтому заслуживает хотя бы архивного, исторического внимания. Память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Круто меняются времена. Пришла эпоха интернета. Уходят люди. Но вот уже почти четверть века 15 января у могилы Семена Давыдовича Индурского на Преображенском кладбище собираются те, кто работал с ним в «Вечерней Москве». Выпивают горькое вино, закусывают и

вспоминают. Среди них и люди нового поколения из старой столичной газеты. Скромная книжка, которая перед Вами, – дань памяти человека, которого знала вся Москва.

Содержание

От составителя	5
О нем вспоминают коллеги	9
Слово об индурском	9
Квартира на Абельмановке	12
А начинал курьером...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Его знала вся Москва (К столетию С.Д. Индурского)

От составителя

С Индурским я впервые встретился и познакомился в самом начале семидесятых. Кажется странным, что, работая в «Московском комсомольце» в одном здании с «Вечерней Москвой» на Чистых прудах, я никогда не видел его. До тех пор, пока не женился на его дочери.

«Вечерка» была высоко, на шестом этаже. Мы работали на втором и мало интересовались партийной печатью. Шли последние годы хрущевской оттепели, мы были молодые, левые, а Семен Давыдович Индурский избирался делегатом партсъездов, был членом горкома партии, откуда нам постоянно грозили выговорами и замечаниями. Журналисты «МК» были бедные, но гордые, задирали нос, гордились своим раскованным, фирменным стилем и мечтали о социализме с человеческим лицом. Наш редактор Леша Флеровский точно отражал этот тип журналиста-шестидесятника.

В одном Алексей Иванович, будучи опытным газетчиком, тайно завидовал «Вечерке». Ее оперативной, информационной насыщенности. Много раз он пенял мне, как заведующему отделом литературы и искусства, приводя в пример знаменитого репортера Всеволода Васильевича Шевцова, который был вхож во все театры и творческие салоны Москвы.

Индурский руководил газетой более двадцати лет. Это абсолютный рекорд советского редакторского долголетия.

Нынешняя вечерняя Москва с ее показной и безвкусной роскошью и затаенной нищетой не похожа на нашу столицу двадцатипятилетней давности. Вместе с Индурским ушла в небытие и эпоха старой «Вечерки». Перечитывая сегодня отрывки из его книжки «Газета выходит вечером», погружаясь в мир стремительно ушедших тем, забот, интересов рядовых москвичей, подписчиков и читателей, так и не ставших жителями города «коммунистического будущего». По-

литики в газете было мало, зато много информации, быта, спорта, культуры. Быстро устаревшие проблемы кажутся ныне не наивными. Но это была жизнь нашего города, и поэтому заслуживает хотя бы архивного, исторического внимания.

Газету уважала творческая интеллигенция, ведущие спортсмены и тренеры. Когда надо было уговорить коренного динамовца К.И. Бескова перейти в «Спартак», чтобы вытащить после небывалого провала знаменитую команду из первой в высшую лигу, к строптивому футбольному маэстро отправился Индурский по просьбе московских властей. И ведь сдался Бесков, принял и возродил «Спартак» на радость болельщикам и начальству, чьи интересы на время абсолютно совпали.

Индурский спешил делать добро и помогал многим людям. Об этом осталось немало устных и письменных свидетельств. Особенно он заботился о сотрудниках «Вечерки» – квартиры, путевки, детские сады и лагеря – здесь он был неутомимый и весьма успешный ходатай.

Хорошо помню негласное участие Семена Давыдовича в назначении главным редактором «Московского комсомольца» Павла Гусева, бывшего студента моего семинара в Литературном институте. И ведь точный выбор! «МК», несмотря на всякого рода политические перемены, на долгие годы сохранил и умножил свою популярность.

В быту Семен Давыдович был обаятельным, совершенно нечиновным человеком. Никогда не слышал от него ортодок-

сальных, официозных речений. Партии, конечно, служил, но умеренно, не за счет потери собственного достоинства. Приносил домой (для сверхслужебного пользования!) в отнюдь не вегетарианские времена и давал читать «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» Шаламова, книги Авторханова. Много лет боля диабетом, он все же при моем появлении стал позволять себе рюмку водки за ужином, чтобы составить компанию. Виделись мы и в большевском доме творчества кинематографистов, играли в преферанс вместе с четой Райзманов. Преферанс Индурский любил самозабвенно, знал толк в футболе, постоянно посещал с женой все театральные премьеры. И теща моя, милейшая Ольга Наумовна, дай Бог всякому, приближается к девяностолетию.

Память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Круто меняются времена. Пришла эпоха интернета. Уходят люди. Но вот уже почти четверть века 15 января у могилы Семена Давыдовича Индурского на Преображенском кладбище собираются те, кто работал с ним в «Вечерней Москве». Выпивают горькое вино, закусывают и вспоминают. Среди них и люди нового поколения из старой столичной газеты.

Скромная книжка, которая перед вами, – дань памяти человека, которого знала вся Москва.

Е. СИДОРОВ

О нем вспоминают коллеги

Слово об индурском

Егор ЯКОВЛЕВ

Уже выздоравливал, поднимался, ходил, уже улыбался той мальчишеской улыбкой, которая начисто снимала представление о его возрасте. Наверное, уже выражал, как бывало обычно, недовольство тем, что спрашивают о здоровье: «При чем здесь здоровье?»... А с рассветом его не стало – ночь отняла у нас еще одного...

Не стало Семена Индурского – человека, которого знала вся Москва. Еще бы! 21 год бессменно редактировал «Вечерку». А начинал без малого шесть десятилетий назад курьером московских газет... Теперь вышел номер, в конце которого нет набранной черным шрифтом строчки – редактор С. Д. Индурский. Этим и отличается свежий номер от 6 тысяч 300 номеров, ему предшествующих, – их всякий раз подписывал Индурский.

Старый москвич на трамвайном маршруте «А» не скажет иначе как «Аннушка» и свою вечернюю газету называет «Вечеркой». Так же доверительно, не побоюсь сказать интимно, относились к ее редактору. «Вечерку» хвалили, случалось –

ругали, точнее – корили, как бывает в родной семье. И всегда любили. Любили и Семена Индурского – читатели, коллеги.

Для редакторской судьбы одного сердца, скорее всего, мало. Некоторых редакторов, из тех, кто руководил газетой до него, хотя они были заметно моложе Семена Индурского, давно уже нет в живых. А Индурский тянул – и не только редакторскую лямку. Был фронт подле Москвы, и он был фронтовым репортером. Недоброе начало 50-х годов захлопывало перед ним двери редакции, он лишался любимой работы. Все бывало в жизни этого хрупкого на вид, но очень сильного человека.

Был несуетлив. Менялись времена, исчезали одни транспаранты над Москвой, и через паузу появлялись другие. А он вел газету, не стремясь кому-то персонально понравиться: работал, как подсказывали долг, порядочность.

Не говорил о заслугах, ни на что не претендовал, а потому, наверное, был свободен от обид. Ему никто не напоминал о возрасте, но сам он о нем помнил: пошел и попросился на пенсию. Его уговорили поработать. Он и работал – пока мог.

И было у Семена Индурского еще одно качество, в котором убеждались очень многие: всегда старался помочь. Во всем, в чем мог. И тем, кому мог. Ни один траурный зал не сможет вместить всех, кого поддержал в своей жизни Семен Индурский. Помню, как пришел к нему с ныне известным писателем. Плохо у того было с жильем. Редактор «Вечерней Москвы» посмотрел документы: «Писатель ты хороший,

а правильно составить заявление не умеешь». Взял лист и стал писать писателю его заявление... Увижу ли того литератора среди тех, кто придет проститься с Семеном Индурским? Сам он никогда не забывал о добре.

На факультете журналистики МГУ учится его внук. Будь Индурский, скажем, трактористом, пойдя и внук тем же путем, очевидно, это бы больше приветствовалось. А я, признаться, думаю иначе. Если внук хоть в чем-то окажется похож на деда – нашей профессии еще раз повезет.

В песне о сложившем голову фронтовом репортере был припев: «И вышли, как всегда, „Известия", и „Правда", и „Красная звезда"». Выйдет и «Вечерняя Москва» – сегодня вечером.

Квартира на Абельмановке

Борис РУМЕР, Михаил РУМЕР (США)

На востоке Москвы, где когда-то проходил Камер-Коллежский вал, еще в начале XIX века очерчивавший городские границы, в двадцатые годы прошлого века на тогдашней окраине города, у Абельмановской заставы построили с десяток многоквартирных четырехэтажных домов. Это был небольшой поселок, от которого дальше к городским бойням шли улицы и переулки деревянного двух- и одноэтажья с дурно пахнущими от сараев-уборных дворами. Поселок в просторечье называли «новые дома». Квартиры в них обладали немалым для того времени уровнем комфорта – центральным отоплением, газом, канализацией и водопроводом. Селили туда разный народ – рабочих, инженеров, мелкий чиновный люд. Жили в каждой квартире чаще всего по две семьи в отличие от коммуналок центра, где в бывших барских многокомнатных квартирах обитало по десятку семей. В окрестных дворах царили воровство, жестокие драки, безотцовщина. Отцы наших сверстников воевали, сидели, и «черный ворон» – тюремный автомобиль – был частым гостем в «новых домах».

Мы – родители и трое детей – жили в двух комнатах, полученных в начале тридцатых годов матерью (она работала од-

но время секретарем в каком-то солидном учреждении, кажется, в «Мосэнерго»), а не отцом – преуспевающим журналистом. Когда же отцу лет семь спустя, незадолго перед арестом предложили трехкомнатную ведомственную квартиру на улице Правды (он был членом редколлегии «Комсомолки»), мать решительно отказалась туда переезжать, проявив незаурядное политическое чутье. «Тебя посадят, – сказала она отцу, и меня с детьми выкинут из этой квартиры. А так я у себя». И оказалась права, его вскоре посадили, а нас, хотя и были мы семьей «врага народа», не тронули, оставили на Абельмановке. Третья комната в квартире, похоже, была в ведении хозяйственного управления Московского обкома партии, и в ней постоянно селили людей, так или иначе причастных к этой системе. В конце тридцатых в ней жил с семьей Дмитрий Емельянов, работавший то ли в заводской многотиражке, то ли уже в газете «Московский большевик».

Вскоре после ареста отца Емельянов получил отдельную квартиру и съехал от нас. А в комнату вселилась семья Индурских.

Семен же (тогда еще мало кто называл его по имени отчеству – Семен Давыдович) к своим 27 годам успел послужить в армии, потрудиться в районных газетах Московской области и теперь работал в «Московском большевике», где некогда начинал курьером. Это было легендой здания на Чистых прудах, где в шестидесятые годы располагались московские газеты: редактор «Вечерки», начинавший здесь курье-

ром. Но младший из нас двоих, работая в те годы в «Московской правде», помнил, как редакционная курьерша тетя Ньюша, разносившая по отделам полосы, шаркая старческими ногами, встречая Индурского на лестнице, называла его Сенечкой: «Я ж его мальчишкой помню».

Впрочем, курьерское начало биографии, связанное с Индурским, проявляется в судьбах разных весьма известных в нынешнее время людей. «Я ж начинал курьером в «Вечерке» при Индурском», – говорит телеведущий Лев Новожженов. «Представьте себе, я был в юности курьером у Индурского», – рассказывает советник президента России Михаил Федотов. Может, это так надо было – начинать курьером в «Вечерке», чтобы сделать карьеру в соответствии с классической американской легендой о мальчишке-газетчике, ставшем миллионером? Но вернемся к предвоенным временам.

Семен работал в военном отделе «Московского большевика», который в 41-м стал прифронтовой газетой. Дома почти не бывал, жил в редакции, как тогда говорили, на казарменном положении.

Комната часто стояла пустая. Ключ Семен оставлял нам, не возражая против наших мальчишеских визитов и пользования книгами, которыми был набит шкаф. Как он помнится, этот шкаф, и просторная тахта рядом с ним, на которой так сладко читался Диккенс (великолепное довоенное издание), Гоголь!

Этот ключ сыграл спасительную роль в истории нашей се-

мьи. Сразу же после войны отец, отсидев первый срок на Колыме, возвращался, как там говорили, на материк. В Москве ему не то чтобы жить, но даже и появляться было нельзя – «поражение в правах» – осесть разрешалось в каком-нибудь небольшом и уж конечно не в столичном городе. Но не соблазниться возможностью повидаться с женой, с выросшими за девять лет его отсутствия детьми было невозможно. И он появляется на Абельмановке, наслаждаясь общением с нами, не выходя из дома, понимая, что счастье наше незаконно, оно украдено у властей, но оттого ощущается еще острее. Пребывание отца в Москве грозит ему не просто высылкой, чего доброго, и новый лагерный срок могут навесить. Индурский же, уходя на работу, каждое утро оставляет нам ключ от своей комнаты – на всякий случай. Понимал ли он, какой это мог быть случай? Конечно, понимал, нравы и законы этой власти не мог не знать.

Резкий звонок в дверь раздался днем. Мать, работавшая истопником, была в котельной. Старший из нас, тогда шестнадцатилетний, уверенный, что это соседка с нижнего этажа – она всегда звонила так резко, пошел открывать. Одновременно с лязгом замка раздался тихий звук другого осторожно закрываемого английского замка. Отец предусмотрительно вошел в комнату соседа. В тот же миг сына буквально отбросило к стене распахнувшейся дверью, и в переднюю быстро вошли в сопровождении испуганной управдомши двое мужиков в сапогах и синих пальто.

– Где отец?

– На Колыме.

– Знаем, на какой он Колыме.

Прошли в комнаты, раскрыли створки шкафа, заглянули под кровать. В сомнении остановились у соседской двери.

– А здесь кто живет?

– Журналист из «Московского большевика», – пролепетала управдомша.

– Журналист... – проворчал один. – Знаем мы этих журналистов.

Отец стоял за дверью, затаив дыхание. Ключ, торчавший с внутренней стороны, не был вынут. Оперативники недовольно потоптались в прихожей, но дверь ломать не решились. Ушли, грохоча сапогами. Ночью нас выслали в дозор. Отец вышел в надвинутой на лоб кепке. Его переправили к друзьям, и больше он уже не появлялся на Абельмановке до самой своей реабилитации.

Мы все помним эту историю, она осталась в анналах семьи, разбросанной нынче по континентам. И если есть у Семена Индурского грехи (а у кого их нет?), пусть они простятся ему на том свете за этот спасший нас ключ. У нас троих (нас двое и сестра) есть основания быть ему благодарными. В самые тяжелые годы он проявлял себя по отношению к нам, семье врага народа, безукоризненно, как абсолютно порядочный человек. Это факт.

Семья Индурского выглядела счастливой. Тон задавала

его жена Оля – так просто она просила себя называть. Росла прелестная маленькая дочка. Ходили в гости, и сами принимали у себя людей, не пропускали театральные премьеры, знались с актерами, писателями, известными спортсменами. Помнится приход в нашу квартиру нападающего московского «Динамо» Василия Трофимова (Семен дружил с ним), ребята со всего двора выстроились у нашего подъезда, чтобы взглянуть на знаменитого Василька. Каждый год Индурские ездили отдыхать на юг, после чего Семен обязательно оставлял на нашем кухонном столе корзинку с привезенными фруктами. Добра и внимательна была и Оля. О ней у нас тоже сохранились очень теплые воспоминания. Когда младший из нас заскучал в свои отроческие годы, не находя себя в дворовых мальчишеских играх, она, выросши на Покровке и памятуя свое не такое уж далекое отрочество, посоветовала поехать на Кировскую, в переулок Стопани, где тогда в двух старинных барских особняках находился городской Дом пионеров с его многочисленными кружками, рассчитанными на интеллигентных мальчиков и девочек. И более того, дала денег на трамвай, что было немаловажно в условиях нашего нищего быта. Совет пришелся впору. Литературный кружок Дома пионеров вошел в жизнь младшего, приохотил его к перу, сдружил с людьми, отношения с которыми продолжались десятки лет.

Где-то в конце сороковых или начале пятидесятых, в разгар борьбы с космополитизмом и набирающей ход антисе-

митской кампании Индурского выкинули из «Московского большевика». Речь шла о какой-то чужой газетной ошибке, но повод найти было так просто, а последствия могли стать столь непредсказуемыми, что уход из газеты и последующее устройство рядовым редактором в издательство можно было считать еще удачным исходом. Роковую роль в его изгнании из газеты, по рассказам Семена уже в семидесятые годы, сыграл тот же Дмитрий Емельянов, который тогда был заместителем редактора газеты. Дядя Митя, как мы его называли в детстве и как его звали многие молодые провинциальные редактора, распивавшие с ним бутылку в бытность его впоследствии каким-то начальником в Союзе журналистов, был верным солдатом партии и шел в первых рядах любой проработки. Вот ведь чертова квартирка, могли мы сказать булгаковскими словами: в одной комнате, правда в разное время, жили и проработчик и его жертва.

После смерти Сталина Индурский вернулся-таки на газетную работу – заместителем редактора «Московского комсомольца», что было не по его сорокалетнему возрасту, а вскоре перешел в «Вечерку» также заместителем редактора и в 1966-м, после ухода Виталия Сырокомского в «Литературку», стал главным. Но этот сюжет его жизни проходил уже за пределами Абельмановки, он получил в соответствии со своим новым положением отдельную двухкомнатную квартиру в престижном районе города. Тем не менее видеться с ним младшему из нас приходилось в шестидесятые – нача-

ле семидесятых годов в период работы в «Московской правде», которая находилась на пятом этаже газетного здания на Чистых прудах, а на шестом этаже располагалась «Вечерняя Москва». Но встречи эти проходили не столько в редакционных коридорах, сколько во время регулярных собраний городского партийного актива в Колонном зале. Там за сценой находилась большая Красная гостиная (называемая так по цвету отделки), куда по телеэкрану транслировалось все, что происходит в зале, и где сидела аппаратная горкомовская рать вместе с редакторами московских газет с членами своих редколлегий. Рядом с Индурским всегда был его зам. и наперсник – зав. партийным отделом Илья Пудалов – старый, тертый-перетертый в аппаратных делах. Да и сам Семен был искушен в этих играх более чем достаточно. Долгая и трудная газетная жизнь, «опыт – сын ошибок трудных» научили его осторожности и уменью обращаться с властью предрежащей. Однако в разговорах с младшим из нас (а время поболтать в Красной гостиной было) он отмякал, охотно вспоминал Абельмановку, наше детство, но порой и по-своему опекал, учил правилам поведения. Как-то, когда младший, соскучившись ровным течением доклада Гришина, начал читать газету, к нему подсел Илья Пудалов: «Тебе велено передать, что, когда первый секретарь выступает с докладом, газету читать не стоит». Подумалось, кто ж это такой заботливый? Редактора «Московской правды» Юрия Баланенко здесь не было, да и он сам держался куда свободнее, чем

другие редактора. Но тут же заметным стал укоризненный и твердо-упорный взгляд Индурского. Знал, знал Семен Давыдович, что можно и чего нельзя делать в Красной гостинной!

Но при всей своей осторожности евреев в газету брал. Может быть, не так густо, как Баланенко, которому, конечно, можно было предъявить обвинение в неправильном подборе кадров. У него, правда, имелось объяснение своей юдофилии: «Если русский у меня способный появляется, его вскоре в центральную газету переманят – откуда ж им кадры брать? А евреи остаются...» В результате создавался образ все уплотняющегося еврейского чернозема, так что один мой остроязыкий товарищ, идя по коридору «Московской правды» и рассматривая таблички с фамилиями заведующих отделами на дверях, заметил: «Да у вас тут просто какое-то еврейское кладбище – Лимбергер, Резников, Румер...» Но Индурскому в силу его собственного еврейского происхождения было труднее, тут обвинения могли быть посерьезнее. Тем более, что чернозем этот уплотнялся и до него. В редакции имелось немало евреев, работавших там с незапамятных времен, как, например, тот же Пудалов. И все же брал. Взял Бориса

Винокура, взял Давида Гая, одного из лучших перьев «Вечерки» (ныне он в Нью-Йорке, где написал два отличных романа, изданных в России, и к тому же является заместителем редактора литературного журнала «Время и место»).

Пожалуй, здесь имеет смысл заканчивать наш короткий

мемуар. Многие люди помнят Семена Давыдовича Индурского, связывают с ним свою жизнь и то время – противоречивое, сложное время, в которое мы жили. А мы еще вспоминаем и свое детство, и юность, символом которых стала квартира на Абельмановке, и доброе к нам отношение нашего знаменитого соседа.

А начинал курьером...

Юрий ИЗЮМОВ

Газету, весь ее сложный механизм с торчащими наружу рычагами и скрытыми пружинами, со всеми тонкостями внешних связей Семен Давыдович знал лучше всех в «Вечерней Москве». На сладкой газетной каторге он начинал курьером, поднимался со ступеньки на ступеньку и пост главного редактора занял потому, что лучшей кандидатуры найти было невозможно.

Мне приходилось работать с разными главными редакторами, я в газете с 1952 года и, сказать по чести, равного ему профессионала не встречал.

Ровно в 9.00 Индурский всегда был на своем рабочем месте. На его письменном столе с предыдущего дня лежал лист бумаги, испещренный записями обо всем, что надлежало сделать. Семен Давыдович был большим аккуратистом. Это проявлялось во всем: в одежде, в порядке в кабинете, в четко расписанном и неукоснительно соблюдаемом режиме дня, помогавшем справляться с разными недугами. Придя в редакцию, он первым делом просматривал этот лист, вычеркивал то, что было сделано, а все, что оставалось невыполненным, переносил на новый лист, который потом заполнялся и заполнялся до самого вечера.

Первый час работы занимало решение вопросов, возникших по ходу выпускаемого номера. В 10 начиналась планерка по следующему. Доклад секретариата, заявки отделов, претензии, споры, жалобы – все укладывалось в 30 минут. Что бы ни случилось, газета должна была быть подписана в печать в 2 часа дня. И она всегда в 2 часа подписывалась.

К этому времени во дворе типографии и в Потаповском переулке стояла вереница голубых почтовых грузовиков с белыми полосами наискосок на бортах. Наступает момент, когда типографское здание легонько вздрагивает: начинает работать газетная ротация. А вот и пачки свежей «Вечерки» посыпались с конвейеров в кузова грузовиков, развозящих ее по всему городу. Подписчикам газета доставлялась в тот же вечер. Их было очень немного, официально подписки не существовало, оформляли ее только очень заслуженным людям или по доброму знакомству с редакцией; в 6-этажном доме по Большому Козловскому, где я жил, «Вечернюю Москву» получала одна семья – солистов балета Большого театра Р. Стручковой и А. Лапаури. Это было всем известно, так как на почтовых ящиках жильцов, занимавших иногда всю площадь дверей коммунальных квартир, для удобства почтальонов наклеивались заголовки получаемых ими изданий.

В киоски «Союзпечати» газета попадала от 4 до 5 вечера. Но еще за час до того у них выстраивались очереди самых преданных читателей. В дни же, когда печатались таблицы

выигрышей по государственным займам, в них стояли сотни людей. 100-тысячный тираж расходился мгновенно. Можно ли представить картину слаще этой для всех вечерочников. Идешь или едешь с работы, видишь эти очереди и, как пелось в песне тех времен, «в сердце приходит отрада».

Самые первые, пробные свежие номера поступали, конечно, в редакцию. Семен Давыдович, а с ним весь редакционный аппарат, рабочие типографии их внимательнейшим образом просматривали. Газетное дело неизбежно связано с самыми неожиданными неожиданностями. Ладно, опечатка, а то ведь такие ляпы проскакивали, что лучше не вспоминать. Чтобы их выловить, давалось 15–20 минут от подписания номера «в печать» до подписания «в свет». Не знаю, как уж это получалось, но чаще всех ошибки замечали рабочие ротационного цеха, за что получали премии от редакции. Наверное, дело в том, что у них, что называется, «глаз незамыленный». В случае такого ЧП ошибка мгновенно устранялась прямо у наборного талера, исправленная полоса заново матрицировалась, и все это за те же 15–20 минут.

Предшественник Индурского на посту главного редактора читал газету уже после ее выхода и если был чем недоволен, устраивал разнос на следующий день на планерке. Все понимали ущербность такой методы, но главный есть главный, с ним не поспоришь. Семену Давыдовичу как заместителю за редкие в общем-то ошибки и неудачные материалы приходилось первым выслушивать гневные тирады не стес-

нявшегося в выражениях шефа. Став главным, он этот стиль работы сразу отверг.

Если ошибки все же случались – а это неизбежно, все газетчики знают, что, пока существуют газеты, ошибки в них обязательно будут, ибо идут от самой природы человека, – Семен Давыдович, конечно, очень переживал, но на планерке ограничивался сдержанным замечанием. А видя расстроенное лицо виновника, философски произносил: «Но ведь вышедший номер у нас не последний, завтра выйдет следующий, дадим поправку».

«Вечерка» печаталась тогда на четырех полосах, из которых одна, четвертая, отводилась под объявления. При огромном разнообразии и изобилии событий и тем в жизни столицы, чтобы все их вместить в остающиеся три полосы, надо было писать предельно скупое, не забывая при этом ТАС-Совского принципа: полнота в краткости. Заметка в 60 строк считалась у нас крупным материалом. Разумеется, речь идет об информационных материалах, особенно первополосных. Статьи, фельетоны, рецензии, интервью, располагавшиеся на внутренних полосах, были, конечно, объемнее, но и там существовал предел: 4 машинописных страницы. Хорошую школу писать четко и кратко я тогда прошел. А как ценили это качество наши читатели!

Вернусь к очередям у газетных киосков. Было бы лукавством говорить, что они выстраивались только вечером. Авторитет советской печати был очень высок, ей верили, на нее

надеялись как на последнюю инстанцию в отстаивании справедливости, с ней советовались, делились мыслями и переживаниями, через нее воздействовали на непорядки и безобразия, критиковали начальство. Но другие газеты, особенно центральные, имели большие тиражи, их хватало, а «Вечерняя Москва» всегда была в дефиците. Гостивший у нас редактор «Вечерней Праги» с удивлением рассказывал: «Вчера на Кузнецком Мосту ее продавали по рублю (при цене в 2 копейки) – так значит, ваша газета – товар!»

Время моей работы в «Вечерней Москве» пришлось на те годы, когда городом руководил Виктор Васильевич Гришин. Человек с рабочими корнями, накопивший огромный опыт партийной, государственной и общественной деятельности, он добивался улучшения жизни москвичей, совершенствования гигантского городского хозяйства, промышленности, строительства, науки и культуры.

Москва была городом прежде всего трудовым. Она давала шестую часть промышленной продукции страны, имела несравнимый с другими центрами объем строительства, сосредоточивала лучшие творческие силы. Образование, полученное в Москве, считалось эталоном. Транспорт в столице работал как часы, поддерживался строгий порядок, преступность носила в основном бытовой характер. Сейчас в это трудно поверить: за неделю происходило одно-два убийства. Любители жить не честным трудом, а всякими махинациями, строго преследовались. Паспортный режим служил

барьером для иногородних мошенников, спекулянтов, воров и бандитов. Недостаток рабочей силы на предприятиях восполнялся «оргнабором» молодежи из близлежащих областей. С национальных окраин не брали, существовала концепция, что Москва всегда должна оставаться русским городом. И это удавалось при всей многонациональности ее населения. Приехав на работу или учебу, человек понимал, что не должен жить по обычаям малой родины, часто здесь совершенно неприемлемым, а принимать установленные многими поколениями коренных москвичей правила человеческого общежития. «Вечерняя Москва» была газетой города-труженика.

Разумеется, каждый читатель кроме общемосковских тем искал то, что ему было ближе по профессиональным и интеллектуальным интересам, увлечениям, складу личности. При тогдашней общедоступности всех видов зрелищ (билет в первый ряд партера Большого театра стоил три с полтиной, в другие театры – от полутора до двух рублей) москвичи всегда стремились быть в курсе событий в мире искусства. И газета ни одно из них не оставляла без внимания. Театральные и эстрадные премьеры, гастроли, выставки рецензировались на следующий же день. Отмечались дебюты, юбилеи и прочие приятные атрибуты культурной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.